

УДК 821.111-94+629.52
ББК 84(4Вел)-44+39.428
Г69

Jonathan Gornall
HOW TO BUILD A BOAT. A Father, His Daughter and the Unsailed Sea

Copyright © Jonathan Gornall, 2018
This edition is published by arrangement with The Peters Fraser
and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
Chayka21, Danussa, defatima, Ekaterina Kolchenko, Elegant Solution,
FILINdesign, foxie, Grechko Vlada, Julia Henze, Kamieshkova, kirpmun,
Kseniakrop, lazy clouds, Lena Vetka, makar, makar, MaKars, Motorspirit, onot,
Roberto Sorin, RomanYa, Tithi Luadthong / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Горнелл, Джонатан.

Г69 Лодка для Фиби : история о море, непростом выборе и сбывшейся мечте / Джонатан Горнелл ; [перевод с английского Т. О. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Подарочные издания. Досуг).

ISBN 978-5-04-097731-4

Книга независимого журналиста Джонатана Горнелла рассказывает вдохновляющую историю о том, как даже самые неопытные из нас могут сделать что-то замечательное, если потратят достаточно времени и любви. Это удивительная история о том, как человек, вдохновленный любовью к морю, намеревается построить традиционную деревянную лодку в качестве подарка для своей новорожденной дочери. Пусть это нелепо смешной вызов для человека, который, имея на руках семью и ипотеку, мало знает о деревообработке и еще меньше о строительстве лодок. Он даже не уверен, какую лодку построит, какой тип дерева лучше использовать, какие инструменты ему понадобятся или, если уж на то пошло, где на ней можно будет плавать. Тем не менее он начинает свой путь назад во времена, когда человек мог создать свое будущее и оставить след в истории, используя только проверенные временем навыки и древние инструменты и материалы.

УДК 821.111-94+629.52
ББК 84(4Вел)-44+39.428

ISBN 978-5-04-097731-4

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

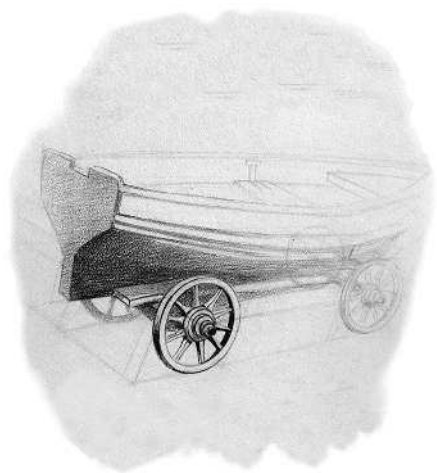
Существует два способа, чтобы проверить, действительно ли построенная лодка прочная. Можно спустить ее на воду и посмотреть, не затонет ли она. А можно вытащить на сушу, наполнить водой и проверить, не протекает ли она.

Вроде бы первый вариант предпочтительнее. Он опирается на вековые традиции, сопровождается обязательной бутылкой шампанского и всеобщим восторгом. Этот способ явно гораздо привлекательнее, особенно если вам нравится внимание. Но у него есть и недостатки. И самый очевидный — публичность церемонии. Любая неудача в такой ситуации грозит презрением и позором. Поэтому кораблестроитель должен быть уверен в своих навыках на все сто процентов. Спуск лодки на воду — это момент высшей, абсолютной истины.

А вот проверка вторым способом возможна в обстановке полной приватности. В случае неудачи у вас не будет свидетелей. Кроме того, у незадачливого кораблестроителя есть возможность исправить любую ошибку или ошибки, прежде чем устраивать торжественную церемонию, сделав вид, что это и есть первая проверка плавучести его лодки.

Но для смелых сердец, решительных, дерзких, сумасбродных авантюристов, готовых на все, второго способа не существует. Их выбор очевиден — только спуск на воду! Вторым способом — это недостойное, жалкое предательство вековых традиций, вызывающее только презрение. Это позорная капитуляция, на которую способны лишь робкие и слабые духом, боящиеся, как бы чего не вышло, лишённые уверенности в себе, мастерства и отваги.

Вот почему я стою перед вами, затаив дыхание и сжимая водяной шланг в руке...

Дорогая Зуби...

Не упускай свой шанс — и не будешь
сожалеть о том, что могло бы
случиться...

Артур Рансом.

«Мы не собирались выходить в море»

16 августа 2016 года

глядываясь назад, я понимаю, что в тот момент идея построить лодку казалась совершенно потрясающей. Но не стоило ли остановиться — хотя бы на мгновение — и подумать, способен ли твой папа, книжный червь и белоручка, современный человек, не имеющий никаких инструментов, с весьма ограниченными практическими навыками и позорным списком хозяйственных катастроф, осуществить этот план?

Прошло больше двух лет и теперь вспомнить это трудно. Но я точно знаю, что в первые недели и месяцы после твоего рождения я оказался в каком-то странном незнакомом месте. Удивительно, однако меня совершенно не волновали проблемы воспитания ребенка — в моем-то возрасте! Но расхаживая по комнате после бессонной ночи с невыразимо драгоценной новой жизнью на руках, я переходил от безумной

радости к мрачным размышлениям о твоём будущем и о своих сомнительных шансах принимать в нём участие — ведь во второй раз я стал отцом в пятьдесят восемь лет.

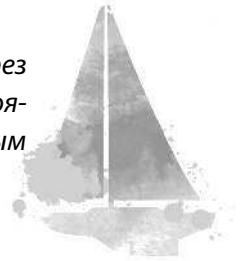
Сомнения мои были небезосновательны. В феврале 2012 года после пробежки я стал чувствовать легкую боль в груди. В то время я работал журналистом в Дубаи. Состояние мое так неожиданно ухудшилось, что пришлось делать операцию коронарного шунтирования. Я никогда не курил, всегда правильно питался, алкоголь употреблял весьма умеренно, регулярно делал физические упражнения. Можно сказать, что здоровый образ жизни был моей навязчивой идеей. Занимался греблей, бегом, плаванием, триатлоном — без этого я себя просто не мыслил. Но всего этого оказалось недостаточно, чтобы разрядить бомбу с часовым механизмом, тикавшую в груди. У меня обнаружилось наследственное заболевание — гиперхолестеринемия, при которой бляшки в артериях начинают образовываться с самого раннего возраста.

Мой прадед по материнской линии, Берт, умер от тромбоза артерий в 1946 году, когда ему было всего пятьдесят лет, и это несмотря на то, что он всю жизнь резко ограничивал себя в потреблении вредных для сердца продуктов. Благодаря южноафриканскому хирургу и чудесным современным лекарствам — статинам (препараты, снижающие уровень холестерина), я уже пережил его на десять лет.

Операция шунтирования — дело серьезное, и восстановиться после нее тоже непросто. Мою грудь вскрыли от ключиц до грудины, из ног вытянули ярды вен — даже писать об этом как-то неуютно. Опыт этот, конечно, был незабываемым, но пережить операцию мне удалось — ведь сделали ее, когда я был довольно молод и крепок, в пятьдесят шесть лет. То есть все мои гребля, бег, плавание и триатлон не прошли даром. Через двенадцать недель после операции я вернулся в Англию и — по-

началу очень осторожно — начал бегать вдоль берега реки в Саффолке под теплым весенним солнышком. В один из таких дней я особенно остро почувствовал, как же это приятно — быть живым.

Но по-настоящему я ощутил себя живым через два года и два месяца после операции, когда появилась ты. Твое рождение стало моим вторым шансом.

У меня есть сын от первого брака, Адам, и у него двое сыновей — это твои племянники, хотя они на семь и восемь лет старше тебя. Ты для них — тетя Фиби, а я — дедушка Джонни. Таковы современные семьи.

Тебе повезло в одном: на сей раз папочка твердо решил стать настоящим хорошим отцом, гораздо лучше, чем раньше. На матери Адама я женился незрелым юнцом, мне был всего двадцать один год. Когда в 1981 году родился Адам, я не слишком-то повзрослел — мне исполнилось двадцать шесть. Помню, как ходил по квартире с сыном на руках, точно так же, как сейчас с тобой, потому что засыпать он соглашался только так. Но больше я из того времени почти ничего не помню. Мы с женой разошлись, когда ему было около двух лет. Большую часть детства Адам провел с матерью за океаном. Со стыдом признаюсь, что для меня это стало настоящим освобождением. Видел я сына лишь изредка — пока он не приехал ко мне в Англию, когда ему исполнилось пятнадцать лет.

Теперь же, спустя тридцать шесть лет после рождения Адама, я окончательно повзрослел. Я понял это в первый же момент, когда увидел тебя: показалось невыносимым провести в разлуке

хоть день, не говоря уже о месяцах и годах. И теперь при воспоминании о том, как я отвернулся от двухлетнего сына, меня переполняет чувство глубокого стыда и сожаления.

Но помимо абсолютной любви, которая целиком и полностью захлестнула меня в день, когда ты родилась, и порой совершенно неожиданно повергавшая меня в слезы, я осознал еще одно абсолютно новое ощущение — страх.

Никогда прежде я не ощущал страха перед мрачным жнецом — ни тогда, когда отчаянно старался удержать голову над водой посреди Атлантики, ни когда ложился под нож хирурга в Дубаи. Но теперь моя жизнь неожиданно и кардинально изменилась и перестала быть только моей, и страх перед ним наполнил душу — особенно когда стало ясно, что если я доживу до того времени, когда ты пойдешь в среднюю школу, мне будет семьдесят лет.

Прости, дорогая, дети порой бывают жестокими. Но у меня уже нет никаких сомнений, что ты вырастешь достаточно умной и жесткой, чтобы справиться со всем этим самостоятельно. Впрочем, если захочешь, я с радостью буду высаживать тебя за углом школы, чтобы меня не заметили твои одноклассники.

В каком возрасте дети начинают накапливать те воспоминания, которые сохраняются на всю жизнь? Удивительно, но специалисты расходятся во мнениях по данному вопросу. Кто-то считает, что это происходит в три с половиной года, а кто-то — что не раньше шести.

Как бы то ни было, я знаю, что однажды — скорее раньше, чем позже — меня не станет рядом с тобой. Как же ты сможешь потянуться сквозь время, чтобы напомнить себе, что у тебя был папа, любивший свою дочь больше всех на свете и мечтавший посвятить остаток своей жизни тому, чтобы подарить ей мудрость, смелость, сострадание и фантазию?

Я мог бы, предположим, просто написать письмо или записать видео, чтобы ты могла посмотреть его на своем смартфоне, когда станешь старше. Я много раз мысленно репетировал это, но было очень трудно найти подходящий тон, не переходя к пустой браваде, но и не скатываясь в сентиментальную жалость к себе.

А потом неожиданно пришла в голову мысль — я должен построить тебе лодку! Это же совершенно очевидно, правда?

Идея посетила меня в первые месяцы твоей жизни, когда я ходил, держа тебя на руках, по нашей квартире в Мистли с видом на реку Стаур. Ты утыкалась личиком в мою руку, а ручки и ножки свисали по обе стороны. И я нежно поглаживал твою крохотную головку. Долгое время ты спала только так — как маленький тигренок на могучей ветке папочкиного дерева (так говорила твоя мамочка). Я скучаю по этим ночам.

Даже в таком растерянном, бессонном состоянии экзистенциальной тревоги я понимал, что для журналиста-ботаника на фрилансе, не обладающего никакими практическими навыками и имеющего на руках маленького тигренка и огромную ипотеку, решение строить лодку продиктовано отнюдь не здравым смыслом. Но разве может серая бюрократия трезвомыслия повлиять на планы, рожденные сердцем? Мой внутренний диссидент категорически не мог с таким согласиться.

Лодка. Той нескончаемой ночью в этой идее воплотилось все, что я хотел рассказать тебе о жизни, любви, истории... твоей истории, независимости, стойкости, истинной красоте, смелости, сострадании, приключениях... Мой беспокойный разум желал дать тебе бесценный урок, который невозможно выучить в школе.

Утром за завтраком я попытался объяснить все это мамочке. Она была занята с тобой и ей пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы выслушать меня хотя бы вполуха. Я говорил —

и чувствовал: все, что ночью казалось разумным и рациональным, при свете дня кажется совсем иным. Но это было неважно. С того момента, как эта мысль впервые поразила меня, избавиться от нее я уже не мог.

Думаю, что из всего этого вытекал простой вывод: «Не делай ничего только потому, что это легко или практично». А может быть, и другой: «Не принимай серьезных, важных решений, когда из-за недосыпа теряешь способность мыслить здраво».

Как бы то ни было, экзистенциальная тревога посеяла семя, а полила и удобрила его гравюра на обложке небольшой книги, незаметно стоявшей много лет на полке около моего стола. Вы ее отлично знаете — наверняка сами в детстве раскрашивали ту же самую картинку. Я говорю о поэме Редьярда Киплинга, посвященной древнему искусству кораблестроения, — репринтном издании 1990 года. «Мальчик строит лодку» — одна из восьми иллюстраций Джеймса Доддсона, созданных за тридцать лет до этого издания. Доддс сам был кораблестроителем, но затем избрал путь художника. На его гравюре изображен мальчик, который строит небольшую лодку из досок на галечном пляже, а пляж этот находился всего в нескольких милях от того места, где мы живем и где ты сделала свои первые шаги.

Юный кораблестроитель, вооружившись пилой, поднял голову и устремил взгляд на проплывающую мимо шхуну с поднятыми парусами. Чувствуется, что он мечтает о приключениях, ожидающих его на борту лодки, которую он строит.

Книга Киплинга казалась совершенно безвредной — всего лишь симпатичное дополнение коллекции книг, гравюр и морских карт в рамках. Твой папа всю жизнь был увлечен морем и безумно любил наше приливное восточное побережье. Но когда я сел и принялся набирать текст на клавиатуре, решительно позабыв об ипотеке, мне никак не удавалось сосредоточиться. На середине предложения я останавливался, устремлял взгляд

на эту небольшую книжку — и погружался в собственные мечты.

Не думай, что мне не нравилась моя работа. И хотя жизнь журналиста-фрилансера непроста — работа допоздна, слишком много кофе, нервные редакторы и нереалистические сроки, — но с трудом в угольной шахте ее не сравнить.

После рабочего дня не приходится отскрести въевшуюся в руки грязь, тебя точно не похоронит заживо, да и ядовитые газы тебе не угрожают — на моем столе никогда не было канарейки в клетке.

Обычно я работаю в тепле и сухости, рядом кружка с кофе и вазочка с печеньем. Я часто общаюсь с интересными людьми, занимающимися очень интересными делами. Так что работа наблюдателя жизни мне очень даже нравится. Но...

Маленькая гравюра начала разговаривать со мной — сначала очень тихо. И какая-то часть моей души, пробужденная поздним отцовством и охваченная неким экзистенциальным предчувствием, не смогла устоять перед этим волшебным голосом.

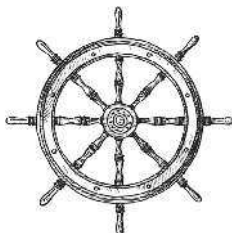
— А ты смог бы это сделать? — шептала гравюра. — Смог бы ты, привыкший к цифровому, экранному существованию, своими мягкими, слабыми руками создать нечто столь идеально прекрасное и одновременно абсолютно функциональное? Смог бы ты создать это из деревьев, которые росли на земле задолго до рождения твоего деда?

«Хороший вопрос», — подумал я. Именно такой вопрос встает перед человеком западного мира. Достижения науки и техники давно отучили нас от действий и навыков, которые были

Джонатан Горнелл

неотъемлемой частью жизни наших предков. Одно время я интересовался семейной генеалогией и мне открылся очень любопытный факт: я — первый человек в семье по материнской линии, не зарабатывающий на жизнь своими руками (если, конечно, не считать физическим трудом набор текста двумя пальцами и давно позабытую стенографию). В шести поколениях нашей семьи были докер, пара печатников, бакалейщик, кожевенник и даже плотник — Эдвин Уилсон Слип Исмей, который родился в 1834 году и является твоим прапрапрадедом. А твой прапрапрапрадед, Джон Джонстон, родился в 1778 году и был сапожником.

А вот мне никогда не приходилось делать своими руками ничего тяжелее, чем менять картриджи в принтере, и ничего более творческого. И конечно же, здесь я не одинок.

Многие ли из нас способны сделать хоть что-то из тех вещей, что окружают нас в повседневной жизни? Например, стол?

Ну, если постараться, то что-то похожее соорудить можно. А стеклянную вазу? Это вряд ли. А электрическую лампочку? Или ноутбук? Или лодку? Ни за что на свете. Мы выбираем, нажимаем на кнопку и то, чего мы не понимаем и в чем, по большому счету, особо не нуждаемся, магическим образом материализуется у нашего порога. А вот гравюра «Мальчик строит лодку» была создана в те времена, когда люди действительно делали вещи.

Поэтому я решил, что не просто смогу это сделать, но и должен! И чем больше я думал, тем сильнее убеждался в том, что это самый лучший и необходимый подарок, какой я могу тебе сделать.

Я хочу подарить тебе море, дорогая моя девочка! Хочу, чтобы ты полюбила его так, как люблю я, чтобы почувствовала его красоту, мощь и таинственные обещания, от которых сердце начинает биться чаще. Я хочу, чтобы тебя тянуло за горизонт. Пожалуй, лучшее в море то, что оно не суша. Здесь нет того оглушающего, но пустого шума и суеты современной жизни. Чтобы постичь море, нужно освободить разум. Только тогда удастся слиться с бескрайним простором, где столько людей шло к радости или трагедии, триумфу или катастрофе, и никто из них не оставил следа. Море — это верный союзник воображения.

И разве есть способ познакомить тебя с этим особым местом созерцания лучше, чем подарить тебе лодку? Не ту пластиковую лодку, сделанную на производстве и которую можно купить. Нет, я хочу подарить традиционную деревянную лодку, созданную специально для тебя безнадежным неумехой-отцом в то время, когда очень немногие способны сделать своими руками хоть что-то.

Это будет подарок и для тебя, и для меня. Вещь, обладающая внутренней красотой, не имеющая реальной цели, но одновременно служащая очень многим, станет настоящим уроком жизни. Совершив этот невероятный поступок и построив лодку, какой бы старомодной и грубой она ни получилась, я надеюсь подарить тебе не просто забавную игрушку, а дать точку отсчета, абсолютное убежище от хаотичной современной жизни. Может быть, эта лодка поможет тебе понять, что успех измеряется не только известностью или состоянием, как многие считают в наш поверхностный цифровой век. Я хочу, чтобы ты поняла, что время от времени нам не просто желательно, но жизненно важно делать что-то ради того, чтобы делать, и пытаться достичь того, что кажется недостижимым.

Теперь я понимаю, что слишком многого требовал от простой «вещи», но надеюсь все же, что ты поймешь, насколько

удивительна лодка. Надеюсь, что ее плавные линии и доски, пропитанные любовью, потом и, весьма вероятно, кровью твоего отца, укажут истинные идеалы, которые дадут возможность тебе (а если у меня все получится и лодка пробудет на плаву достаточно долго, то и твоим детям) проложить верный курс в жизни. Я надеюсь, что ты будешь уважать достижения прошлого, скептически воспринимать посулы настоящего и с восторгом смотреть на возможности будущего.

Да, я действительно хочу, чтобы ты научилась менять галс, вязать булинь, читать карты, прокладывать курс по компасу, определять азимут, зарифлять паруса и все такое. И это не просто расширит твои горизонты, но еще и поможет овладеть древними навыками, необходимыми для того, чтобы добраться из точки А в точку Б с волшебной помощью одного лишь ветра. Впрочем, я могу и не дожидаться того дня, когда ты откроешь для себя эту чистую, незамутненную радость.

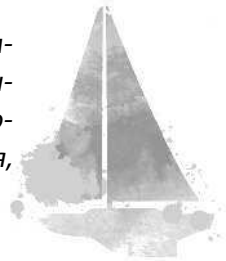
А что, если ты отвергнешь море и все то, что плывет на надутых парусах? И это тоже будет нормально — ведь мы говорим о твоей жизни, и ты должна прожить ее так, как считаешь нужным. Тогда считай эту лодку всего лишь метафорическим выражением моих надежд, связанных с тобой. Я надеюсь, что ты вырастешь и обретишь смелость, которая позволит тебе стремиться к невероятному, верить в достижение недостижимого, понимать, что лучше попытаться и не суметь, чем не пытаться вовсе. А лодку ты сможешь подарить тому, кто полюбит ее. А можешь закопать ее в саду, наполнить землей и посадить цветы. Или картошку, если тебе так больше нравится.

Однако было бы большим упущением не сказать ни слова о приключениях: ведь лодка — это самый надежный соучастник приключения. Настоящее приключение может многое открыть нам в самих себе и рассказать об окружающем мире. Но в эпоху, когда путешествовать стало так легко, пережить приключение

очень трудно. Конечно, если у тебя нет маленькой лодки и пары симпатичных речек поблизости, по которым можно было бы пройти. Это просто так. Да, и еще одно. Если бы я мог дать тебе только один совет, то сказал бы вот что: хотя бы раз в жизни возьми небольшую лодку и уйди на веслах или под парусом так, чтобы берег исчез из поля зрения. Зачем? Ты поймешь.

У твоего отца всегда была страсть к лодкам и приключениям. И страсть эта ничуть не стала меньше после двух неудачных попыток пересечь Атлантику на веслах. Первая не удалась из-за моральной неготовности к одиночеству. Вторую погубил ураган. Ты родилась в апреле 2014 года, а совсем незадолго до этого я подумывал о третьей попытке — спасибо тебе, что уберегла меня. Теперь же подобные мысли даже в голову не приходят. Я сижу дома, в тепле и сухости, спасенный любовью твоей матери и нашей общей безумной любовью к тебе. Мне больше не хочется испытывать терпение моря, этого бесстрастного «союзника человеческого беспокойства», по выражению Конрада. Да и кроме того, как я могу жить для себя? А что если, отправившись в море и погибнув, я лишу тебя отца ради какого-то сомнительного и эгоистического морского приключения?

И я пришел к относительно разумному компромиссу — построить небольшую деревянную лодку, красивую и функциональную, выдержанную в традициях восточного побережья, где мы живем.

И на этой лодке мы с тобой когда-нибудь сможем отправиться в великое маленькое приключение, незабываемое путешествие, которое останется в памяти до конца наших дней.